

Радикализация мигрантов: в чем есть правда, а в чем вымысел

Тема радикализации трудовых мигрантов из Центральной Азии в России в последние годы привлекает повышенное внимание самых разных людей — от политиков и общественных деятелей до учёных и журналистов. При этом зачастую при обсуждении этой сложной проблемы звучат не совсем корректные оценки и выводы.

Насколько трудовые мигранты из Центральной Азии и из Таджикистана, в частности, подвержены радикализации и влиянию экстремистской пропаганды на чужбине? Действительно ли трудовая миграция – зона повышенного риска для вербовки в ряды Исламского государства? Что из этого правда, а что вымыслы? Пробует разобраться замдиректора центра исламоведения при президенте РТ, Рустам Азизи.

Миграция и интернет – факторы риска?

Говоря о факторах и причинах радикализации, только ленивый сегодня не упоминает миграцию и интернет как «основные факторы» этого явления. Основным упущением при этом, на наш взгляд, является то, что многие рассматривают миграцию или интернет не как среду, а как факторы, а иногда и первопричины радикализации. Высказывания подобного рода нередко звучат на разных уровнях и площадках, в официальных отчетах и публикациях СМИ.

Безусловно, миграционные процессы связаны с рядом рисков и вызовов, в том числе и радикализацией мигрантов. Это особенно актуально для Таджикистана и всей Центральной Азии, где наблюдается устойчивая тенденция роста численности населения и, несмотря на некоторые позитивные изменения, сохраняется высокий уровень безработицы и бедности, а как следствие — трудовая миграция.

Можно наблюдать как мигранты становятся темой для различных спекуляций и манипуляций, оказываясь объектом давления с разных сторон — принимающих стран, собственных (родных) стран, радикальных проповедников и эмиссаров экстремистских группировок.

Во-первых, в некоторых случаях радикализация объясняется миграцией не совсем обоснованно, хотя определенным лицам это удобно, так как они понижают уровень своей ответственности, делая заявления в стиле: «У нас ничего подобного не наблюдается, всё это происходит там, далеко от нашего взора!». Хотя статистика и известные кейсы показывают, что радикализация проходит равномерно, как на родине, так и в условиях миграции.

Во-вторых, «мигрантская карта» часто разыгрывается в политической риторике принимающих стран, где эту уязвимую группу очень легко обвинить во всех неудачах и нестабильности, создавая в общественном сознании недружелюбное восприятие мигрантов.

В-третьих, мигранты становятся объектом радикальных пропагандистов и целью для вербовщиков экстремистских и террористических течений и организаций.

Что способствует радикализации мигрантов?

Если объективно рассматривать уровень радикализации, насильственного экстремизма и терроризма среди трудовых мигрантов, работающих в России, то нельзя его определить как «экстремально высокий». Даже по самым смелым оценкам, численность таджикистанцев, присоединившихся к боевым действиям в Сирии и Ираке, составляет около двух тысяч, из которых не все имели опыт трудовой миграции, а количество радикализированных на родине и в условиях миграции примерно пропорционально.

Иными словами, лишь незначительное меньшинство мигрантов вовлекается в насильственную экстремистскую деятельность, а активность вербовщиков среди мигрантов объясняется тем фактом, что значительная часть активного населения физически находится в миграции, чем привлекает к себе радикальных пропагандистов и эмиссаров экстремистских террористических организаций.

Говоря о связи между маргинализацией трудовых мигрантов и факторами, способствующими радикализации, которые могут привести к насильственному экстремизму, эксперты выделяют три потенциальные структурные мотивации.

Во-первых, административные, юридические и финансовые проблемы мигрантов в процессе регистрации, которые вынуждают некоторых мигрантов не регистрироваться на законных основаниях и работать на нелегальной основе. Это делает их более уязвимыми для разных рисков, в том числе и более подверженными радикализации.

Во-вторых, экономическая эксплуатация некоторыми лицами мигрантов, сопряженная с финансовыми трудностями и бедностью мигрантов, вынуждает часть из них искать другие способы выживания.

Наконец, в-третьих, стигматизация и секьюритизация трудовых мигрантов в целом могут привести к их социальной маргинализации, а также способствовать росту недовольства.

Все эти факторы могут влиять на процесс радикализации, но в то же время не обязательно являются определяющими его факторами. На радикализацию мигрантов также активно влияет и информационная среда. Интенсивность контента радикального и экстремистского содержания в России гораздо выше, чем в странах Центральной Азии, в силу ее большей доступности и стабильного интернета.

В некоторых случаях мигранты испытывают кризис культурной идентичности и не могут адаптироваться в новой среде, принимают иную, компенсирующую форму идентичности, такую как глобальная исламская идентичность, которая потенциально делает их более восприимчивыми к мобилизации по международным каналам. Радикальные пропагандисты и вербовщики экстремисты используют эту благоприятную среду.

Почему они идут воевать?

Говоря о стимулах участия трудовых мигрантов в военных действиях на территории других стран, можно выделить два основных стимула: идеологический и материальный.

Знакомство с кейсами некоторых комбатантов из числа мигрантов показывает, что некоторые из них были мотивированы более эмоциональными причинами, такими как «защита мусульман в Сирии от угнетения», или идеалистическими мотивами по созданию утопического «справедливого общества, живущего по канонам ислама».

В этих случаях религиозный фактор можно рассматривать как уловку, используемую вербовщиками для достижения своих целей. Анализ случаев тех, кто был завербован и радикализован на родине также показывает, что деньги не являются основной мотивацией, чаще в принятии решения доминировали духовные, религиозные и идеологические побуждения.

Надо уходить от стереотипов

Одним из препятствий в понимании и противодействии радикализации является то, что большинство акторов, занимающихся данной проблемой, руководствуются устоявшимися стереотипами и так называемыми «социальными портретами» радикалов, которые не всегда соответствуют действительности.

Ознакомившись с известными случаями, можно заключить, что нет типичного портрета насильственного экстремиста или характеристик предрасположенности к радикализации, в частности среди трудовых мигрантов.

Такому риску может быть подвержен любой, вне зависимости от уровня образования, экономического или социального положения. Заявления об «уязвимых» группах и «опасных» регионах, которые иногда звучат на разных уровнях, на наш взгляд, могут отвлечь внимание ответственных за противодействие радикализации и насильственному экстремизму от других групп и регионов, идентифицированных как менее уязвимые и опасные, а также усилить давление и стигматизацию так называемых групп риска, подталкивая их к радикализации.

Кто и что может влиять?

Для противодействия рискам и повышения устойчивости к радикализации мигрантов положительную роль могут играть различные факторы: местные власти принимающих стран; лидеры общин и диаспоры, руководители организаций гражданского общества, консульские и дипломатические должностные лица, предприниматели, руководители и профсоюзные лидеры на рабочем месте, религиозные лидеры.

Для повышения устойчивости к рискам также важна общественная и социальная поддержка, занятость, роль семьи, положительное влияние религии и образования. Хотя следует отметить, что каждый из вышеупомянутых факторов, сам по себе недостаточен для всестороннего обеспечения устойчивости. Для сдерживания радикализации они должны действовать в совокупности.

Источник: Азия Плюс